

Райхельгауз Иосиф Лекарство от страха смерти

26.03.04

Иосиф Райхельгауз: «Будь проклят театр, без которого мы не можем жить»

Сергей Шаповал

Завтра исполняется пятнадцать лет московскому театру «Школа современной пьесы». Как водится в театральном мире, кто-то его не переносит на дух, кто-то восхищается, кто-то не видит в упор. Тем не менее он завоевал своего зрителя, о чем свидетельствуют постоянные аншлаги. Как к нему ни относиться, явление существует. О его специфике и своеобразии мы беседуем с создателем и бессменным руководителем театра Иосифом Райхельгаузом.

Иосиф, и пятнадцать лет назад, когда возникла «Школа современной пьесы», и сейчас Москва не испытывает недостатка в театрах. В чем неповторимость «Школы»?

— В названии нашего театра заложены и программа, и план работы, и его идеология. С первого дня мы занимаемся современной национальной пьесой, это основная наша линия. Первыми пьесами, которые мы поставили, были «Пришел мужчина к женщине» Злотникова, «Без зеркал» Климонтовича, «Рогатка» Коляды. Позже возникло еще одно направление: спектакли, сочиненные в театре. Например, «А чой-то ты во фраке?», который был разрядкой мощного драматизма первых пьес. Мы проделали путь от Злотникова до Гришковца, который уже стал классиком. В прошлом году мы прочли около пятисот пьес в рамках конкурса «Действующие лица», лучшие из них мы принимаем к постановке. Короче говоря, все пятнадцать лет в центре нашего внимания современная российская пьеса. «Школа современной пьесы» — традиционный психологический репертуарный русский драматический театр, театр-дом. Не случайно, что и приглашенные артисты, и те, кто состоит в штате, — это люди, с которыми мы много лет знакомы по самым разным совместным театральным и телевизионным работам. Я не хотел никого удивлять, но стремился к тому, чтобы наш репертуар был эксклюзивным, каковым

Иосиф Райхельгауз. Человек, который создал свой театр.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

он и является. Если пьеса, поставленная у нас, появляется в другом театре, мы ее снимаем с репертуара.

— Вы довольны результатами прошедшего пятнадцатилетия?

— Главное, чем я доволен, — это полные залы. Зачастую люди прорываются в зал и стоят вдоль стен. Наш театр востребован и в Москве, и на Западе. Нас зовут на всякие фестивали, но главное — гастроли, потому что за ними стоят средства продюсеров, которые нужно отрабатывать. Во многих странах мы работаем с одними и теми же продюсерами. Они не прогорают, что демонстрирует, простите за нехорошее слово, рыночный уровень театра. Да, нас не принимают некоторая часть критики и нынешнее руководство СД: за пятнадцать лет мы ни разу не были приглашены ни на один российский фестиваль, никогда не были выдвинуты ни на одну премию.

рот, когда мне говорят, что у Фоменко появился плохой спектакль, я этому не верю. У Фоменко не может быть плохого спектакля! Очень многое в нашем деле зависит от настроения.

— Программная установка вашего театра — современная пьеса, а у вас идет чеховская «Чайка», Гордон ставит «Бесов». Как вы это объясняете?

— Это те самые исключения, которые подтверждают правило. Например, чеховская «Чайка» возникла здесь почти случайно и сразу же, зацепив как крючком, вытащила за собой «Чайку» Акунина и оперетту «Чайка». Что касается «Бесов». Если бы Гордон пришел ко мне и сказал, что хочет поставить «Бесов», я бы ответил: спасибо, не надо, это хорошо сделает в «Современнике» Вайда. Но когда он сказал, что ему нужны «Бесы» для разборок, для создания телевизионного шоу, для диалога с политиками, которые придут в зал, я ответил:

выходила замуж за брата отца и т.д. Я умышленно обращаюсь к «Гамлету», поскольку это самая востребованная пьеса мирового репертуара, вслед за ней, кстати, идет «Чайка». Мне все время хочется спросить режиссеров, ставящих «Гамлета»: какое отношение это произведение имеет к вашей жизни? «Чайка» оказалась очень плотно связанной с моей жизнью. Она имеет отношение к театру, которым я занимаюсь всю жизнь и с которым нахожусь в непростых отношениях. Когда-то в «Независимой газете» было опубликовано интервью со мной, в заголовке которого были вынесены слова, сказанные мною неожиданно для самого себя: «Театр не стоит жизни». Я и сегодня готов сказать: театр не стоит жизни. Но тут же должен добавить: театр — это и есть наша жизнь. Получается трагический парадокс: будь проклят театр, без которого мы не можем жить. Действительно, в нашей жизни многое проявляется через театр. Об этом речь в «Чайке». Кроме того, там все семь пудов любви, о которых хочется что-то узнать и понять, но в течение жизни этого так и не удается сделать. Очень многие, пытаясь понять себя и жизнь, обращаются к Библии. Я тоже читаю Библию, но она, к сожалению, для меня неубедительна. Это высокохудожественная вещь, я понимаю, что меня там очень красиво обманывают. «Чайка» для меня выше Библии. Это не кощунство. «Чайка» имеет отношение к моей реальной жизни, я могу соотносить ее с «Чайкой» и становиться лучше. «Чайка» помогает мне жить: она многое доказывает, мотивирует, предьявляет, подталкивает к осознанному выбору, что для меня крайне важно.

— Получается, что «Чайка» для вас является практически сакральным текстом. Тем не менее вы ставите произведение Акунина и даже оперетту. Чем вы руководствовались?

— От «Чайки» не убудет. Даже наоборот, она прирастает смыслами. Возникают смешные ситуации. Недавно на спектакле у нас было правление РАО «ЕЭС» во главе с Чубайсом. По окончании после аплодисментов на сцену вышел артист, с которым мы заранее договорились, **ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14**

В нашей жизни многое проявляется через театр

— А что за этим стоит?

— Наш театральный рынок очень разобран, что называется, по рядам: есть овощной ряд, есть рыбный, есть мясной, каждый из них имеет свою крышу. Велика сила психологической установки. Скажем, в определенной среде устоялось мнение, что «Современник» — это крепкий средний театр, в котором невозможно режиссерское откровение. Это убеждение не могут поколебать ни многолетняя зрительская любовь, ни переполненные залы. Если завтра Някрошкус поставит в «Современнике» «Вишневый сад», а на афише будет написано «постановка Галины Волчек», я уверен, что Должанские и Соколянские с удовольствием напишут об очередном режиссерском провале Галины Борисовны! Признаюсь: я сам в плену театральных психологических установок. Мне говорят: посмотри в таком-то театре новый спектакль, это интересно. Я отвечаю: я смотрел у них два спектакля, там не может быть ничего интересного. И наобо-

конечно, да. Разумеется, дебют Гордона гораздо более рискован, чем очередная постановка «Бесов» великим Вайдой. Но мне интересней то, что скажет в связи с «Бесами» молодой российский интеллектуал, который выражает настроения определенной части российской интеллигенции времен Владимира Путина, чем очередная высокохудожественная классическая постановка.

— Уже много лет я пытаюсь получить объяснение, почему «Чайка» — великая пьеса. Я этого искренне не понимаю, и пока никто не просветил меня. Могли бы вы это сделать?

— Если вы хотите получить длинное объяснение, то можете походить в мою режиссерскую мастерскую, где мы со студентами разбираем «Чайку» в течение месяца. Но я попытаюсь быть кратким. Ваш вопрос я могу отнести ко многим пьесам мирового репертуара. Прежде всего к «Гамлету». Я читаю «Гамлета» и остаюсь равнодушным. Моему отцу не заливали яд в ухо, моя мама не

1911

Лекарство от страха смерти

независимая 2004 - 26 марта - с. 13 - 14. - (Путь)

КОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13
сказал: «Мы хотим произнести имя человека, без которого годняшний спектакль был бы невозможен. Вы все хорошо его знаете. Имя его начинается на «а», а фамилия – на «ч». (Все поворачивают в сторону Чубайса.) Это Антон Чехов!» Возникла неожиданная возможность для игры.

Сейчас эпоха неожиданных речений. Идя к вам, неподалеку от театра я увидел огромный рекламный плакат некоего туристического

агентства со слоганом: «Два раза в день в ВЕНУ». Пятнадцать лет назад он читался бы однозначно.

– Чеховские тексты в этом отношении – просто кладезь. Сочиняя оперетту «Чайка», мы с автором либретто Вадимом Жуком вынимали из Чехова нужные нам сегодня предложения. Когда я ставил спектакль «А чой-то ты во фраке?», я искал форму. Ведь у Чехова нет такого произведения, есть маленькая одноактная пьеска. В конце концов я придумал:

«Опера и балет для драматических артистов по предложению А.П. Чехова». Оперетта «Чайка» тоже сделана «по предложению Чехова».

– Как вы думаете, почему театр все еще нужен людям?

– Чтобы жить. Все боятся смерти, часть людей, малодушных, с моей точки зрения, идет в храм, те, кто сильнее, идут в театр. Я говорю о высоком театре. Как и в Древней Греции, людям нужен катарсис.

– Говоря о театре, вы учитываете зрителя. С другой сто-

роны, существует подход, согласно которому главным является процесс возникновения спектакля, поиска образов, творчества как такового, а то, что увидит и почувствует зритель, не так уж и важно.

– Кому-то интересен процесс изготовления детей, а результат не столь уж и важен. По-моему, рождение человека – это высшее проявление жизни. Хотя удовольствия больше именно в момент изготовления. То же и в театре. Мой однокурсник и бывший товарищ, выдающийся

режиссер Анатолий Александрович Васильев все время говорит, что ему зрители только мешают. Он старается их не пускать, для него два прорвавшихся на спектакль человека представляют страшную угрозу художественной целостности произведения. Для меня двадцать человек, стоящих вдоль стен, – просто счастье. Без зрителя нет театра, он превращается в творческую лабораторию, орден, сориентированный на самопознание. А это другая деятельность. ■